

Идея о том, что непобедим народ, могущий выдвинуть героев, подобных Евпатию, развивается не только в первой части рассказа (а следовательно, и в соответствующих местах песни), где она непосредственно воплощена в образах Евпатия и его дружины, в их действиях и речах, но и во второй части — в характеристиках, которые дают русским татары. Собравшиеся над телом убитого Евпатия татары „начаша дивитися храбрости, и крепости, и мужеству резанскому господству“, приближенные даяря говорят Батыю: „Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отды наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имеющие смерти и тако крепко и мужественно ездя, бьяшеся: един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища“ (стр. 294—295). И сам Батый обращается к мертвому Евпатию: „Аще бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего“ (стр. 295). „И даша тело Еупатеево его дружине останочной, которые поиманы на побоище. И веля их царь Батый отпостити, ни чем вредити“ (стр. 295).

Что здесь несомненно идет от песни и что принадлежит автору „Повести“? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вообще присмотреться к тому, как изображаются и характеризуются враги на всем протяжении рассказа о Евпатии. Нетрудно заметить, что эти характеристики резко отличаются от тех, которые даются им в предшествующих частях „Повести“. „Безбожный царь Батый“, „окаянный Батый“, „нечестивый Батый“ — это постоянные наименования хана на страницах „Повести“, посвященных приходу татар, их поведению, нападению на Рязань и т. д. В рассказе о Евпатии имя Батыя упоминается более десяти раз. Один раз его называют „зловерный царь Батый“, в другом случае — „безбожный царь“, а во всех остальных случаях — просто „Батый“, „царь Батый“, „царь“. Это вполне согласуется с былинами, в которых при именах „татарин“, „татары“ обычны эпитеты типа „поганий“, но при имени татарского даяря (Батыга, Скурла, Кудреван и др.) такие эпитеты появляются сравнительно редко: имя врага говорит само за себя!

Однако дело не только в наименованиях, в эпитетах. В „Повести“ Батый охарактеризован как „лстив бо и немилосерд“, „лукав есть и немилостив“, „порываем в похоти своея“; он легко приходит в ярость, жестоко расправляется с непокорными; видя упорное сопротивление рязанцев и большой урон в своей войске, „веля бити, и сечи, и жещи без милости“.

Ясно, что, изображая Батыя в рассказе о Евпатии способным воздать должное мужеству русского богатыря, восхищающимся подвигом последнего, проявляющим великодушие по отношению к побежденному, но не смирившемуся противнику, автор „Повести“ шел не от привычных для себя традиций и представлений, а от того художественного источника, которым он пользовался при работе над рассказом, т. е. скорее всего — от народной песни. Естественно поэтому искать соответствующие аналогии к этому месту рассказа в фольклоре. Но в былинах таких аналогий нет. В образах Калина, Батыги былина ярко выделяет черты жестокого и бездушного захватчика, которому абсолютно чужды какие-либо признаки человечности: сострадание, справедливость, понятия о чести и т. д. Они хитры, вероломны, злобны. Используя приемы художественного преувеличения и заострения, творцы былины создали исключительно цельный типический образ чужеземного врага-захватчика. Образ вражеского даяря, короля, полководца неоднократно встречается в поздних исторических песнях. Обычно он харак-